

Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования

*Двора Яноу, Мерлин ван Хульст**

Аннотация. Исследование Дворы Яноу и Мерлина ван Хульста посвящено использованию фрейм-аналитического языка описаний в современных исследованиях политики (policy analysis). Прослеживая генеалогию теории фреймов от работ Грегори Бейтсона до исследований политологов Дональда Шёна и Мартина Райна, авторы указывают на принципиальные различия между фрейм-аналитической оптикой в изучении принятия политических решений и в анализе общественных движений (Д. Сноу, Р. Бенфорд). Яноу и ван Хульст развивают один из возможных подходов к пониманию процессов фреймирования — подход, который сами они называют «динамическим», иллюстрируя его применимость на примере выборов мэра Утрехта. В работе предложена оригинальная трактовка фреймирования как процесса, включающего в себя элементы селективного отбора, именованного и категоризации, особое внимание уделено связи фреймирования и повествования (storytelling).

Ключевые слова. Г. Бейтсон, И. Гофман, Д. Шён, М. Райн, фреймирование, фрейм-анализ, смыслообразование, производство значений, категоризация, именование, повествование, публичная политика, интерпретативный политический анализ.

Нам нужно понять, как устроен процесс определения [ситуации], для того чтобы понять смысл самого действия.

Герберт Блумер (Blumer, 1969: 16)

Мир политического устроен таким образом, что всякий раз, когда старые фреймы утрачивают свою полезность и выходят из широкого употребления — когда они больше не создают общего основания для действия — появляется необходимость в новых фреймах. Это происходит при изменении стандартов объяснения: прежние фреймы больше не предлагают удовлетворительных объяснений происходящих событий или сами ситуации изменяются настолько, что старые способы фреймирования более не работают ни в качестве объяснительных схем, ни в качестве нормативного руководства для действующих.

Мартин Райн, Дональд Шён (Rein, Schön, 1997: 240)

Политические фреймы можно рассматривать как особый вид повествования. Эти повествования ведутся от лица разных политических акторов, и создаваемые ими нарративные

* **Двора Яноу** — профессор Свободного университета Амстердама, d.yanow@fsw.vu.nl; **Мерлин ван Хульст** — ассистент профессора Университета Тилбурга, M.J.vanHulst@uvt.nl. Перевод с англ. К. Ткачевой под ред. В. Вахштайна.

© Yanow D., Van Hulst M., 2011

© Ткачева К., 2011

© Вахштайн В., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

конструкции — в том числе используемые символы и синекдохи — помогают объяснить, почему одни разногласия менее допустимы, чем другие.

Мартин Ни (Nie, 2003: 321)

Понятие фрейма (или фреймирования), тесно ассоциированное сегодня с фрейм-анализом, имеет долгую историю в политических науках. Изначально введенный в оборот представителями других дисциплин (Bateson, 1972 [1955]; Goffman, 1974), в конце 1970-х этот термин захватил воображение психологов, лингвистов, музыковедов (Cone, 1968), теоретиков искусственного интеллекта¹, исследователей политики² и общественных движений³. Другие трактовки «фрейма», включая то значение, которое этот термин приобрел у исследователей коммуникации (Entman, 1993), появились позднее. В данной статье мы будем опираться на политологическое определение фреймирования — определение, используемое в анализе политики (policy analysis)⁴. Чтобы прояснить его смысл, мы обратимся к литературе, посвященной изучению общественных движений, как своей главной «мишени». Оба подхода к определению фрейма — используемый в анализе политики и распространенный в исследованиях общественных движений — ведут свои родословные от работ Грегори Бейтсона (Bateson, 1972 [1955]). Мы начнем статью с рассмотрения именно его интерпретации фрейма не только потому, что тексты Бейтсона стали своего рода библией фрейм-анализа, но и потому, что его эмпирические наблюдения доступны для всех, кто еще не увлекся спорами многочисленных последователей из числа фрейм-аналитиков и не запутан окончательно придуманными ими различиями.

Теории общественных движений в социальной психологии и политической социологии заимствуют идею фрейма у Ирвинга Гофмана (Goffman, 1974), который, в свою очередь, позаимствовал ее у Г. Бейтсона. Понятие фреймирования в анализе публичной политики, напротив, кажется, напрямую заимствовано у Бейтсона Дональдом Шёном. Шён, скрестив бейтсоновские фрейм-аналитические идеи со своими собственными исследованиями метафор (Schön, 1979) и рефлексивных практик (Schön, 1983, 1987), разработал совместно с Мартином Райном принципиально новый подход к политическому анализу. Результатом их усилий стала работа «Frame Reflection» (Schön and Rein, 1994) — амбициозная попытка предложить инструментарий для «анализа трудноразрешимых политических разногласий».

1. См. работы: Minsky, 1975; Schank and Abelson, 1977; Fillmore, 1982; Tannen, 1979; Lakoff, 1987; Cienki, 2007.

2. См.: Rein and Schön, 1977, 1994, 1996; Schön, 1979, 1983, 1987; Rein, 1983a, 1983b.

3. См.: Snow at al., 1986; Snow and Benford, 1988; Gamson, 1992; Morris and Mueller, 1992; Klandermans 1997. Общий обзор представлен в: Benford and Snow, 2000.

4. «Исследования политики» — не вполне удачный перевод термина «policy analysis», использующегося для обозначения целого комплекса весьма разнородных по своим теоретическим основаниям и методологической базе исследований: от оценки эффективности политических программ до изучения роли метафор в стратегических документах. Важно отметить, что «policy» здесь понимается не как взаимодействие «игроков», вовлеченных в борьбу за власть (тогда речь шла бы об анализе «politics»), а прежде всего как «public policy» — публичная политика, «производимая» органами власти и доступная анализу заинтересованными наблюдателями/экспертами через исследование документов, нарративов, переговоров. Именно к этому исследовательскому направлению принадлежат авторы статьи. — *Прим. ред.*

В общих чертах главное различие между двумя этими лагерями наследников Бейтсона сводится к следующему: для исследователей общественных движений фрейм — это существительное, тогда как для исследователей политического мира фрейм — это глагол (по меткому выражению Карла Вайка: «Теоретики больше смотрят на процесс организации, чем на сами организации» (Wieck, 1979)). Данное различие выражает нечто большее, нежели просто разницу между частями речи. Концепт «фрейм» непосредственно отсылает к статичным, дефинитивным и, вероятно, таксономическим способам обращения с предметом. Понятие фреймирования предлагает более процессуально-ориентированные и, на наш взгляд, более политически чувствительные описания. Две эти трактовки не являются полностью взаимоисключающими, однако они делают акцент на принципиально разных аспектах⁵.

Из двух представленных подходов нас интересует именно второй. Наша цель — усилить акцент на процессуальном характере фреймирования, предложить более динамичный способ работы с этим понятием, нежели тот, который сформулировали главные защитники данного способа описаний — Д. Шён и М. Райн (Rein and Schön, 1977; Schön, 1979; Schön and Rein, 1994). Мы обратимся к «сольным» работам Шёна (Schön, 1979, 1983, 1987), так как они приоткрывают напряжение, существующее между разными аспектами фреймирования. Хотя в них заметное место уделено когнитивной составляющей (Cunliffe and Easterby-Smith, 2004: 33; Yanow and Tsoukas, 2009), ею одной дело не ограничивается — Шён переходит к анализу идентичностей и отношений, в котором мы находим несколько элементов, основополагающих для динамического подхода.

Мы утверждаем, что в динамическом, процессуально-ориентированном подходе к изучению фреймирования должны рассматриваться отношения между различными «вещами», помещаемыми в те или иные фреймы (проблемами, отношениями/идентичностями, процессами). Более того, этот подход должен быть чувствителен как к отношениям между самими «вещами», так и к взаимоотношениям между людьми, участвующими в их фреймировании. Данный аргумент имеет ряд методологических следствий, которых мы кратко коснемся в конце статьи.

От кусающихся обезьян до ссорящихся людей

Наблюдая за кусающими друг друга обезьянами, Грегори Бейтсон (Bateson, 1972 [1955]: 152) заметил, что они вовлечены в такой тип взаимодействия, при котором «единичные действия или сигналы подобны, но не идентичны действиям/сигналам в драке». Случайный наблюдатель или плохо информированный примат могли бы воспринять эти действия как в качестве реальной потасовки, так и в качестве представления, игры. Бейтсон предположил, что обезьяны должны некоторым образом

5. Сомневаемся, что эти трактовки систематически разводятся в литературе. Многие описания фреймирования и, более широко, смыслообразования (sense-making) смешивают два подхода. Исследователи — на уровне теоретических рассуждений — декларируют «социально сконструированный» характер фреймов и одновременно поддаются искушению реификацией, когда пытаются строить всеобъемлющие таксономии. См.: Snow and Benford, 1992, а также критику Бенфорда в: Schön and Rein, 1994. Другой пример подобной таксономии см. в: Dewulf et al., 2009.

подавать друг другу сигналы — посредством того, что он назвал «метакоммуникацией» — дабы каждый участник взаимодействия в любой момент времени мог понять, какой из двух типов действия имеет место. Иными словами, действие «кусания» должно быть фреймировано либо как «боевой укус», либо как «притворный укус».

Ирвинг Гофман, взяв за отправную точку бейтсоновское понятие фреймирования, развил его в своей книге 1974 года. В ней он соединил идеи Бейтсона со своими собственными (сформулированными в духе символического интеракционизма) представлениями о социальном конструировании идентичности, с акцентом на «определениях ситуации». Подобные определения становятся явными, когда люди начинают обсуждать смысл своих взаимодействий: «...определения ситуации основываются на принципах организации событий... и нашей собственной субъективной вовлеченности в них; термин „фрейм“ я использую для указания на эти основные, подлежащие идентификации элементы» (Goffman, 1974: 10 ff.). Соответственно, фреймы определяют те способы, которыми участники, погруженные в ситуации взаимодействия, воспринимают социальные реальности, представляя их самим себе и окружающим; фреймы структурируют наше внимание к различным сегментам социального мира.

Характерная черта фреймов в гофмановском понимании — значимая для понимания разницы между политико-аналитическим подходом и подходом, принятым в исследованиях общественных движений, — состоит в том, что по Гофману *фреймы не создаются сознательно*. Напротив, они неосознанно применяются и/или развиваются участниками взаимодействия в процессе коммуникации. И, как замечает В. Вахштайн, Гофман впоследствии сам отходит от интеракционистского понятия «определение ситуации», с которого начинает (e.g., Goffman, 1959), поскольку находит его слишком «социально-конструктивистским»⁶. Гофмановские фреймы, таким образом, оказываются, возможно, чем-то более объективистско-реалистским, нежели «фреймирование» в определении Райна и Шёна (к нему мы еще вернемся). Это отчасти объясняет, почему 1980-е годы социологи и социальные психологи уцепились за понятие фрейма, увидев в нем возможность объяснить развитие общественных движений и, в частности, показать, почему одни движения более успешны, чем другие в деле привлечения и мобилизации сторонников (Snow et al., 1986; Gamson, 1992; Snow and Benford, 1988).

Если кратко, то теоретики общественных движений считают, что различные группы для интерпретации и привлечения внимания к некоторым проблемам используют различные фреймы. Именно поэтому для сторонников данного подхода особый интерес представляют ситуации конфликта. В обстоятельствах конфликта, полагают они, группы стратегически меняют свои «определения ситуации» — и свои позиции — чтобы расширить возможности альянсов и коалиций. Значительная часть подобных исследований направлена на построение таксономии фреймов, что приводит к потере двух элементов, центральных для гофмановской теоретической модели:

6. В. Вахштайн обратил наше внимание на критику подобного структуралистского уклона у Гофмана, в частности Дензином и Келлером (Denzin and Keller, 1981; см. также ответ Гофмана: Goffman, 1981), отметив, что Герберт Блумер высказал сходные замечания в адрес Гофмана еще раньше (Вахштайн, личная переписка, июль 2009).

— во-первых, исчезает понимание того, что фреймы в целом не создаются преднамеренно, а скорее, развиваются в интерактивном процессе коммуникации, который всегда исключительно ситуативен;

— во-вторых, упускается из виду тот факт, что ситуативные фреймы плохо поддаются универсализации — попыткам составления «списка устойчивых черт»; эти попытки обычно оборачиваются одновременно приписыванием локально специфичным фреймам некоторых «эссенциальных», сущностных характеристик и реификацией их отличительных особенностей⁷.

Одновременно с Гофманом (и, по-видимому, независимо от него) Шён начал разрабатывать свою теорию фреймирования в контексте организационных исследований и изучения диффузии инноваций (e.g., Schön 1963, 1979; Argyris and Schön, 1974). Он также опирался на работы Бейтсона, в частности, на его концепцию схизмогенеза. Объединив усилия со своим коллегой по Массачусетскому технологическому институту Мартином Райном, Шён добавил к этой теме еще одно измерение: исследования публичной политики, сосредоточенные на «трудноразрешимых политических противоречиях», вместо того чтобы фокусироваться на решениях политических проблем (например, в части реализации тех или иных инициатив), должны развернуться на 180 градусов и проблематизировать сам акт номинации чего-то в качестве «политической проблемы». Иными словами, политический аналитик должен изучить сам процесс фреймирования «политических проблем» (e.g., Rein and Schön, 1977; Schön and Rein, 1994).

В политической науке набросок фрейм-анализа, предложенный Шёном, Райном и их учениками, был использован в нескольких эмпирических исследованиях. С. Линдер (Linder, 1995) выделил пять фреймов в игровых дебатах по поводу электромагнитного излучения. С. Суоффилд (Swaffield, 1998) изучил, какие именно фреймы, придающие смысл слову «ландшафт», вовлечены в политические споры о природных богатствах Новой Зеландии. Дж. Дадли (Dudley, 1999) исследовал роль, которую сыграли фреймы и рефрейминги в отношениях между корпорацией «Британская стальная монополия» (BSC) и правительством Великобритании. Основываясь на идеях «ценностно-критического анализа» («value-critical analysis» — еще один термин, придуманный Райном для анализа фреймов), Р. Шмидт изучил фреймирование «языка» участниками политического движения «Только Английский»⁸ (Schmidt, 2000). М. Аболафия показал, какие «фреймовые ходы» используются в бюрократической по-

7. Критическому анализу этого подхода уже посвящено огромное количество текстов. См.: Benford, 1997, а также работу: Dewulf et al., 2009, основной аргумент которой мы далее используем для анализа фреймирования в ситуации разрешения конфликта.

8. Движение «Только Английский» («English-only» political movement) — возникшее в начале XIX столетия политическое течение, ставившее своей целью сохранение английского языка в качестве единственного государственного языка США. Его развитие было следствием расширения территории Соединенных Штатов в результате покупки Луизианы и Американо-Мексиканской войны. Опасаясь возникновения в США «канадской ситуации», сторонники этого движения на протяжении двух столетий противостояли попыткам отдельных штатов официально закрепить в школах преподавание на каком-либо ином языке, кроме английского. В 1987 г. Американское лингвистическое общество выступило с резолюцией, осуждающей действия движения «Только Английский», как основанные на «неверном представлении о роли языка в формировании политической идентичности». — Прим. ред.

литике Федерального резервного банка в ходе проведения серьезных политических изменений (Abolafia, 2004). Другие недавние примеры демонстрируют использование фрейм-анализа в исследованиях голландской иммиграционной политики (Scholten and van Nispen, 2008), политики в сфере природных ресурсов (Nie, 2003) и политики Европейского союза (Daviter, 2007)⁹.

Важно отметить, что фрейм-анализ при таком подходе вовсе не обязательно ограничивается исследованием *содержания* фреймов — конкретных обсуждаемых проблем и вопросов — поскольку само фреймирование погружено в социально-политические процессы. Интересующая нас версия фрейм-анализа соединяет аналитическую установку и методы интерпретативного исследования (Yanow and Schwartz-Shea, 2006). С точки зрения интерпретативных подходов к политическому анализу (Fischer, 2003; Hajer and Wagenaar, 2003; Yanow, 1996, 2000) анализ фреймов является частью большой — и продолжающей расти — семьи методов, применяемых в эмпирических исследованиях к процессам смыслообразования (sense-making). Это касается как публичной политики, так и других сфер социальной и политической жизни (Prasad, 2005; Yanow, Schwartz-Shea, 2006). К примеру, Шмидт, изучая политическое движение «Только Английский» в США, подробно описывает шаги, необходимые для подобного анализа в контексте публичной политики. По его мнению, «интерпретативная политика — это соревнование за право фреймировать идеи», которое переключает внимание «с состязания за индивидуальные предпочтения на конкуренцию за общепринятое понимание»¹⁰.

Возможности, открывшиеся благодаря интерпретативному политическому анализу (e.g., Fischer, 2003; Hajer and Wagenaar, 2003; Yanow, 2000, 2007) и анализу фреймов (предложившему свой концептуальный инструментарий для исследования политических противоречий), были использованы в сфере разрешения конфликтов и переговоров, в частности, в экологической политике. Множество теоретических и эмпирических исследований, проведенных в данной области (Gray and Putnam, 2003; Kaufman and Smith, 1999; Putnam and Holmer, 1992), пытаются сплавить воедино две версии фрейм-анализа: анализ фреймов общественных движений и анализ фреймов публичной политики. От первого берется стремление идентифицировать конкретные коллективы с их склонностью к мобилизации оппозиционных сил, от последнего — стремление найти прикладное решение изучаемых противоречий и предложить более эффективные политические решения (ориентация, связанная со школой интерпретативного политического анализа см.: Yanow, 2003. Однако пока эти исследования лишены рефлексии в отношении онтологических и эпистемологических оснований, разделяющих две фрейм-аналитические оптики. Положение усугубляется тем, что теперь и исследователи международных отношений (IR) также обратились к фрейм-анализу (Payne, 2001; Fumagalli, 2007).

9. Хотя в последнем случае фрейм-анализ Шёна и Райна используется автором в сочетании с более традиционными подходами к «формированию политической повестки дня» (agenda-setting studies), в нем также идет речь о том, как «процедурный подход к политическому фреймированию» может быть использован для понимания политических отношений в Евросоюзе.

10. О политике как борьбе за фреймирование идей см.: Abolafia, 2004: 349; Stone, 2002 [1988].

Таким образом, исследования «политического фреймирования» не лишены недостатков. В частности, обещание фрейм-аналитиков создать более чувствительный к проблемам власти и политики, более процессуально-ориентированный язык описания не может быть выполнено без дополнительной теоретической работы.

Динамический подход к фреймированию

В отличие от той версии фрейм-анализа, которая одержима построением таксономии фреймов, динамический подход фокусируется на самом процессе фреймирования — на фрейме-как-глаголе — принимая во внимание социальные и политические аспекты этого процесса (Yapow, 2000: 13). Учитывая наш опыт эмпирических исследований, мы далее сосредоточимся на фреймировании в принятии политических решений, хотя подозреваем, что выстроенная подобным образом теория будет применима и к другим ситуациям, включая общественные движения и разрешение экологических споров. Обсудим четыре аспекта фреймирования в политике:

- вовлеченность в работу по производству значений (meaning-making);
- реализацию посредством процессов отбора, категоризации и именования;
- импликацию через повествование (storytelling);
- модусы, проявляющиеся в механике конструирования смыслов (смыслов проблем, идентичностей и отношений, равно как и самих процессов взаимодействия).

1. Фреймирование как работа по производству значений

Фреймирование — это процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям. В сфере принятия политических решений создание и использование значений является скорее публичным, нежели частным действием. Здесь фреймирование предполагает (ре)конструирование проблем посредством отбора, категоризации, именования и повествования (мы рассмотрим их в следующих двух разделах). В то же время фреймирование закладывает когнитивные основания, условия возможности будущих действий.

Столкнувшись с чем-то в мире — особенно когда это «что-то» кажется неопределенным и неоднозначным — действующие обычно задаются вопросом (явно или неявно): «Что здесь происходит?» (Goffman, 1974: 8). Ответ на этот вопрос и обеспечивается процессом «фреймирования». Нечто двусмысленное и неопределенное для одного актора, для другого может быть ясным и понятным. То, что оказывается полной неожиданностью для одного, подразумевается другим. Но даже если ситуации воспринимаются как ординарные, знакомые и ожидаемые, это вовсе не означает, что вопрос об их смысле не задается — ответ на него всегда имплицитно присутствует в действии, человек дает его самому себе (а иногда и остальным). Мы имплицитным образом говорим себе: «Здесь нет ничего чрезвычайного или нестандартного; продолжаем действовать как обычно». Ответ на вопрос «Что здесь происходит?» делает возможными дальнейшие — в том числе коллективные — действия.

Следовательно, фреймирование предполагает две операции: организацию прошлого опыта и ориентирование будущих действий¹¹. Хотя чисто аналитически может быть полезным разделение этих двух операций, они совершаются синхронно. То, что производится в процессе фреймирования — это одновременно и модель мира, основанная на результатах ранее совершенных операций смыслообразования, и модель для действия в этом мире (Geertz, 1993 [1973]: 93; Yanow, 2008). Действующие сами создают социально-политический мир, в котором (и на который) они действуют, отбирая одни вещи в качестве релевантных или важных и отбрасывая, игнорируя, вынося за скобки — другие. Как замечают по этому поводу Райн и Шён: «Всякое высказывание о вещи отрицает другое высказывание о ней» (Rein and Schön, 1997: 239).

Создавая мир действий, акторы совершают, по выражению Райна и Шёна, «нормативный скачок» — скачок от того, что *есть*, к тому, что *должно быть* (Rein and Schön, 1977: 240). Именно их *работа* смыслообразования (Schön, 1983: 40; Benford, 1997: 416) — фреймирование ситуации — делает возможным этот скачок. Но как осуществляется такая работа? Хотя Шён подчеркивал прежде всего ее когнитивный характер (Schön, 1979), мы полагаем, одного этого недостаточно. Производство смыслов требует прямого или опосредованного включения социальных и материальных взаимодействий с другими акторами или не-человеческими объектами (так, к примеру, Шён концептуализировал этот процесс в работах, посвященных рефлексивной практической деятельности (Schön, 1983, 1987). Подобные взаимодействия — включая жесты и другие способы невербальной коммуникации, иногда опосредованные материальными объектами — основываются на чем-то большем, нежели просто когнитивные познавательные процессы¹².

Значения вещей, с которыми сталкиваются акторы — от более конкретных предметов, таких как стулья и кошки на коврах, до абстрактных конструкторов вроде государств и маршей протеста, — не находятся в самих вещах, но появляются в ходе взаимодействий с ними. Динамическое понимание фреймирования основывается на простом допущении: акторы действуют по отношению к вещам сообразно тем значениям, которые им *приписывают*¹³. Это напоминает три исходных предпосылки символического интеракционизма Герберта Блумера (Blumer, 1969):

11. См.: Snow et al., 1986, ср. с: Rein and Schön, 1977, о диагнозе, который содержит предписания действия. Здесь напрашивается аналогия с двумя из трех ключевых задач фреймирования, как их определяют Д. Сноу и Р. Бенфорд (Snow and Benford, 1988: 199): диагностированием ситуации и принятием решения. Но наше описание оставляет за скобками третью задачу — «призыв к оружию», выражающий конечное основание действия по Сноу и Бенфорду. Нам кажется, что эта часть, скорее, нормативно значима для тех, кто вовлечен в общественные движения, нежели для тех, кто связан с принятием политических решений.

12. Сочетание когнитивных, социальных и человеческих — не-человеческих (human — non-human) аспектов взаимодействия явно требует ответа на вопросы «как это сочетание работает?» и «как это сочетание выглядит?». Хотя у нас нет возможности уделить данной теме достаточного внимания, мы можем как минимум отметить необходимость более полного ответа на вопрос: кто/что фреймирует и как? Мы благодарим Виктора Вахштайна (личная переписка, 12 июля 2009) за обозначение проблемы.

13. Кто-то, возможно, назовет это «витгенштейнианским взглядом». Другие пойдут дальше, утверждая, что всякое действие предшествует значению и само смыслообразование ретроспективно (Weick, 1979).

1) Люди обращаются с предметами на основе тех значений, которыми эти предметы обладают для них¹⁴.

2) Значения таких предметов возникают в социальном взаимодействии.

3) Эти значения используются и изменяются в ходе интерпретативного процесса, к которому человек прибегает в своем взаимодействии с предметами¹⁵.

Следуя за Шёном (Schön, 1983, 1987), мы видим, как подобное производство значений разворачивается по мере вовлечения акторов в «разговор с ситуацией». В какой-то момент действующие присваивают некоторое значение наличной ситуации и смотрят, что произойдет. Шён называет эту практику «посмотреть-походить-посмотреть» (Schön, 1983). Отдельные детали соотносятся с общей картиной происходящего зачастую посредством процесса метафоризации (Schön, 1979; см. также: Yanow, 2008). В итеративном интерактивном процессе детали и обобщения уточняют друг друга, и, как следствие, появляется более четкое представление о происходящем. Значения образуются в этом процессе. Как пишет Вайк (Weick, 1995: 35), «акторы создают свои собственные среды и эти среды затем [ограничивают] их действия». Особенно для практиков (авторов стратегических текстов, политиков или государственных деятелей), работающих в действительном мире и часто в поляризованных средах, операции фреймирования имеют «реальные» последствия. Чтобы фреймирование было успешным для самого фреймирующего, оно должно открывать новые возможности действий для других акторов. Оно также должно допускать определенные степени свободы в выборе сценариев дальнейшего развития ситуации. Некоторые акторы владеют навыком подобного обращения с ситуацией лучше, чем другие¹⁶.

14. Джексон недавно назвал эту предпосылку главным требованием конструктивизма в сфере исследования международных отношений (Jackson, 2008: 150). Первая предпосылка тем не менее для нас не является достаточным основанием для теоретизирования, так как она не обращается к формированию значения в интеракции.

15. Блумер писал, что в социальных науках его времени значение предметов и ситуаций «либо принималось как нечто само собой разумеющееся и, таким образом, выносилось за скобки, либо рассматривалось как некоторая нейтральная связь между факторами, обуславливающими человеческое поведение, и самим поведением» (Blumer, 1969: 2). Однако блумеровская интерпретация смыслообразования, выраженная тремя перечисленными предпосылками, несколько отличается от нашей. Во-первых, взаимодействия, в которых мы принимаем участие, вовсе не обязательно должны включать акторов-людей (Schatzki, 2005). Например, архитектор Квист, один из описанных в книге Шёна «рефлексивных практиков» (Schön, 1983), «общается со своими материалами», т. е. с не-человеческими элементами практики дизайнера. Это ключевой момент в культурно-исторической теории деятельности (см., например: Engestrom and Miettinen, 1999; см. также Orlikowski, 2007). Кроме того, человеческие акторы могут сами объяснять свое взаимодействие с другими акторами в терминах не-человеков, как, например, во фразе «бороться с системой». Следуя логике Джорджа Герберта Мида (Mead, 1934), Блумер сам детально исследовал возможности взаимодействия акторов с («обобщенными») другими, не присутствующими в ситуации здесь-и-сейчас. И, наконец, интересно, в какой мере три аксиомы символического интеракционизма допускают возможность стратегического действия. Акторы могут действовать по отношению к вещам, событиям и другим акторам сообразно тем значениям, которые они *хотели бы* им навязать, и на основе тех смыслов, которые они хотели бы сделать общепризнанными (методологические проблемы, часто упоминающиеся в связи с ответами респондентов на вопросы анкет).

16. Например, изучая политический кризис в муниципалитете, ван Хульст (Van Hulst, 2008) по-

2. Фреймирование: отбор, категоризация и именование

Операция фреймирования предполагает отправку и получение некоторых сигналов о том, что происходит (Weick, 1995). В политических средах (как, возможно, и во всех остальных) это «сигнализирование» является контингентным политическим действием — выбором одного конкретного варианта фреймирования из множества возможных. Но даже будучи контингентным, этот селективный отбор обусловлен практической необходимостью. Чтобы осмыслить предмет, с которым они имеют дело, акторы должны с чего-то начать. Это «вступление» — ключевой момент для герменевтической философии, с ее идеями толкования и герменевтического круга. То, что отобрано, должно быть *поименовано* и *категориально описано*: например, «покушение на свободу» или «кризис». Именование и категоризация придают смысл объекту, событию или действию — ничего из этого заранее не предусмотрено. Таким образом, устанавливаются различия между, например, жертвами и преступниками, друзьями и врагами, своими и чужими, нормальными и ненормальными, старым и новым, работой и отдыхом, дракой и игрой — всем, что имеет значение в данных конкретных локальных обстоятельствах. Именование и категоризация также включают в картину одних акторов, не принимая во внимание других, именно эти операции проводят различия между действиями и словами, фактами и мнениями, описаниями и предписаниями¹⁷.

Хотя зачастую только один аспект ситуации явно поименован, при фреймировании — например, при маркировании чего-либо в качестве «террористического акта» — другие аспекты ситуации помогают определить ее общий смысл. В политических процессах, когда определенный способ действия утрачивает доверие и больше не кажется надежным, ему на смену приходит новая практика и привносит новые смыслы. Политические деятели часто утверждают, что разработанная ими новая политика будет иначе решать проблемы, нежели предыдущая (Abolafia, 2004). Если предыдущей политике, к примеру, не хватало «надежных оснований», то новая будет «использовать подход, основанный на фактических свидетельствах» (evidence-based approach). Независимо от того, поможет ли новый подход решить старую проблему, прежняя политика уже получила именование «бессмысленной» и «невозможной» как минимум в глазах тех, кто ратует за изменения. В этом смысле фреймирование предполагает стратегическое политическое действие — по мнению Бейтсона, оно появляется в нашей оптике всякий раз, когда мы переключаемся с поведения обезьян на поведение людей.

Если политики стремятся «продавить» именно свое решение, конкурирующее с десятками других политических решений, им придется удерживать границы ключе-

казал, как интерпретация исходных действий актора другими действующими может привести к невероятной для самого актора ситуации.

17. Игра смыслов станет еще более запутанной, если мы рассмотрим язык как действие, а невербальные действия как язык («поступки *говорят* громче, чем слова»). Антропологи, лингвисты и другие ученые, занимающиеся проблемами категоризации, разделяют два категориальных типа: «тактовый» (slotting), в котором различия ясны и устойчивы, и «прототипический», задающий различия через сходство с некоторым общим прототипом, — эта категоризация оставляет немало места для расплывчатости и неопределенности (см.: Lakoff, 1987; Bowker and Star, 1999; Yanow, 2003).

вых определений и понять, что делать с аспектами проблемы, не уместающимися в их категориальные схемы. Выделение отличительных черт происходящего открывает возможности изменений (Abolofia, 2004): когда не видно отличий, нет оснований для преобразования ситуации. Именно поэтому Бейтсон говорит о «различиях, создающих различия»¹⁸.

В области политического анализа обозначение события или ситуации как «проблематичных» — главное действие фреймирования: оно привлекает внимание к ранее безымянному референту. Указание на проблему, исходное фреймирование ситуации — центральная по значимости фаза политического процесса. Практики — мы здесь имеем в виду лиц, ответственных за принятие политических решений, в той же степени, что и администраторов, отвечающих за их реализацию, — не всегда понимают, что определения проблемы изначально не предустановлены, не предзаданы (Rein and Schön, 1977; Schön, 1979: 143–144; Fisher and Forester, 1993: 5–6).

Как замечают Хайер и Лоус (Hajer and Laws, 2006: 253), когда дело доходит до принятия конкретных политических решений, «[если] ситуация непонятна и пронизана неопределенностью, задача, кажется, состоит в упорядочивании, наведении порядка. Но если политик стоит перед выбором между альтернативными траекториями действия, признание неизбежной амбивалентности становится неотъемлемой чертой всякого благоразумного решения»¹⁹. По наблюдению Шёна (Schön, 1983), некоторые практики — те, кого он называет «рефлексивными практиками», — обладают способностью «работать» с неопределенностью и амбивалентностью в самом процессе действия²⁰. Они способны таким образом определять сложные проблемы, что само их определение делает возможным решение²¹. Именно это мы имели в виду, говоря, что фреймирование — есть способ создания мира, открытого действию: то есть способ миро-творчества (world-making), как определил бы его Нельсон Гудмен (Goodman, 1978); но это также и способ познания мира (хотя мы далеки от утвержде-

18. Или как интерпретируют Бейтсона Цукас и Чиа: «неразличное — невоспринимаемо» (Tsoukas and Chia, 2002: 571).

19. Хайер и Лоус используют понятия амбивалентности и неопределенности как равнозначные (Hajer and Laws, 2006: 252).

20. Разница между неопределенностью и амбивалентностью такова, что в первом случае нет (хороших) интерпретаций, тогда как во втором их слишком много (Weick, 1995: 91). Мы также хорошо понимаем, что приписывание неопределенности и неясности само по себе является фреймированием. То, как нечто обычное для одних может быть экстраординарным для других, прекрасно показано А. А. Милном в «Винни-Пухе»:

«— Когда ты просыпаешься утром, Пух, — спросил Пятачок, — что ты говоришь себе первым делом?

— Что на завтрак? — сказал Пух. — А ты что говоришь, Пятачок?

— Я говорю, интересно, что же такое замечательное случится сегодня? — сказал Пятачок.

Пух задумчиво кивнул.

— Это то же самое, — сказал он».

21. Как мы показали в другом месте (Van Hulst and Yanow, 2008), главный информант Д. Шёна в его исследовании рефлексивных практиков — архитектор Квист — мог работать в виртуальном мире, где его действия были обратимы и отменяемы. У него также были способы контролировать социально-политическое измерение собственных практик. Такая степень свободы не характерна для процесса принятия политических решений; в нем рефлексивные практики выглядят совсем иначе.

ния, что политические и иные «игроки» обладают социально-политическими и/или материальными ресурсами, чтобы менять его по своему усмотрению).

В процессе создания мира действующие зачастую реифицируют созданные конструкции, забывая, что сами же их и создали. Подобно истинным реалистам (Weick, 1995: 35) они обращаются с вещами так, как если бы те имели определенные, постоянные характеристики; процесс «объективации» придает ситуациям ясность и делает возможным наше взаимодействие с предметами (Berger and Luckmann, 1966). Это также позволяет участникам инициировать и осуществлять фреймирование²². В то же время акторы могут задействовать только те фреймы, которые делают ситуации осмысленными, что сообщает их действиям постоянство и воспроизводимость. Если, к примеру, избранные должностные лица ожидают, что работающие на них госслужащие никогда не следуют их приказам так, как они бы того хотели, они могут просто не распознать ситуацию, в которой сотрудники *действительно* выполняют все распоряжения, в точности следуя указаниям. Каждый раз, когда должностные лица смотрят на работу своих сотрудников, их ожидания (и в более общем плане — их верования) подтверждаются. Арджирис и Шён описывают замкнутый круг, проявляющийся по мере того, как эти ожидания по отношению к поведению служащих выражаются через действия должностных лиц, и служащие начинают подстраиваться под негативные ожидания начальства, что исключает саму возможность обратной связи (Argyris and Schön, 1974: 63–84). Изменение, таким образом, становится возможным либо вследствие рефрейминга взаимодействия, либо как результат некоторого критического события, не вписывающегося в ожидания акторов.

3. Фреймирование и повествование (*storytelling*)

Поскольку принятие политических решений предполагает согласованные коллективные действия, а действующие зачастую не согласны друг с другом ни в определении происходящего, ни в понимании того, что должно быть сделано, они вынуждены убеждать других в своей интерпретации. Подобные попытки убеждения проявляются в акте повествования (Rein and Schön, 1977; см. также: Throgmorton, 1992 в контексте практик планирования). Повествование продолжает процесс фреймирования (и нередко обеспечивает происходящее объяснением, из которого уже следует определенный набор действий); результаты ранее совершенных операций отбора, категоризации и именованья «склеиваются» в нарратив благодаря определенному сюжету. Как доказывают Райн и Шён, фреймирование — это не просто отбор одних элементов и игнорирование других; это также «увязывание друг с другом характерных особенностей ситуации... в хорошо распознаваемый и внутренне согласованный паттерн» (Rein and Schön, 1977: 239; курсив Д.Я. и М.Х.)²³. Важно отметить, что фреймирование

22. На языке системной теории можно сказать, что акторы конструируют свое окружение, посылая сигналы и отслеживая обратную связь; сродни тому, что Шён называл «ответом материала» (Schön, 1983). Теория общественных движений говорит о сопротивлении фреймов (Snow and Benford, 1988), хотя такой взгляд предполагает заметно более пассивную встречу с созданным миром и его элементами, нежели это предполагаем мы.

23. Сравните это с идеей «фреймового резонанса» в теории общественных движений (Snow and Benford, 1988).

производит описание реальности, «очень похожее на правду»; это стимулирует переход к действию. «Правдоподобия достаточно, когда дело доходит до практики», — говорит Вайк (Weick, 1995: 55–61); точность вряд ли является целью практического действия (если она вообще может быть достигнута). Так как разные акторы привносят в политические ситуации разнообразные и противоречащие друг другу ожидания, надежды и страхи (или приобретают их уже в самих ситуациях), конфликты по поводу толкований и значений этих рассказанных историй вполне понятны, а переговоры, нацеленные на разрешение конфликта интерпретаций, не заставляют себя долго ждать.

«Правильные» истории оказывают (или могут оказывать) убеждающее воздействие, потому что «хорошая история соединяет вместе трудносоединяемые элементы на срок достаточный, для того чтобы вызвать и направить действие» (Weick, 1995: 61). Истории помогают фреймированию осуществить «определенный вид работы» (Schön, 1983: 40; Forester, 1999: 29). Они упорядочивают события, связывая их при помощи сюжета (Czarniawska, 1998: 2); предлагают набросок ситуации, в которой оказались акторы, устанавливают начало сценария, создают кульминацию и указывают на возможную развязку. Они говорят нам о самих акторах — будь то люди или нечеловеки — явно или имплицитно приписывают им вину и доблесть, указывая на возможные причины разрушительных последствий. В терминах проблематизации (problem setting) они говорят нам, «что не так и что надо поправить» (Schön, 1979: 144).

Политические истории задают «фреймы повествования» (Rein and Schön, 1996): они придают смысл ситуации и делают это, скорее, с помощью «прозы», нежели посредством логической структуры или аргументированной дискуссии. Но истории не должны рассматриваться только как инструменты фреймирования; они в той же мере являются *результатами* фреймирования. Значительная часть фрейм-аналитических текстов делают именно это: они перечисляют и/или группируют фреймы и таксономии фреймов, которые могут быть выявлены (Schön and Rein, 1994: 32–34) или уже выявлены (например: Kaufman and Smith, 1999: 170; Gray, 2007: 229). Таким образом, академические фрейм-аналитические повествования сами предлагают истории о политических проблемах, утверждая, что определенные типы фреймов характеризуют определенные проблемные области (см. следующий раздел).

Хотя реконструкция нарративных фреймов, конечно, является частью исследования, мы полагаем, что в изучении политического процесса исследователям не стоит искать уже полностью оформившиеся, согласованные и артикулированные политические истории, которые так и ждут, чтобы их подобрал какой-нибудь исследователь. Тому есть несколько причин.

Во-первых, производство «консистентной и считываемой» политической истории требует разработки ее сюжетной линии, и со временем — обоснования. В массе своей люди стремятся к осмысленным интерпретациям. В первый момент после столкновения с неожиданным политическим событием или ситуацией акторы еще не обладают законченным объяснительным нарративом. Они могут сразу же начать говорить о произошедшем, но то, что они говорят, как правило, довольно схематично, изобилует фальстартами, внутренне противоречиво и весьма неопределенно. В кон-

це концов, эти истории оседают в политических документах и принятых решениях. Со временем даже смысл этих текстов может коренным образом измениться.

Во-вторых, политические акторы не занимаются фреймированием в одиночку. Смыслообразование — социально (Weick, 1995: 38–43) и политично (Abolafia, 2004: 351). Чтобы сделать некоторую интерпретацию основанием коллективного действия (например, политического), нужно, чтобы сама интерпретация была понятна остальным — в этом заключается социальная часть. Акторы вынуждены выполнять работу смыслообразования вместе с другими акторами: друзьями, коллегами, соседями, избирателями, конкурентами, даже собственными врагами. Чтобы запустить коллективное действие, интерпретация требует поддержки — это политическая часть. Одни акторы делают убедительные «фреймирующие ходы», другие прибегают к «блокирующим движениям» (Abolafia, 2004: 357), дискредитируя предложенные истории и/или их авторов. И даже если акторы сами не включаются в фреймирующие споры, дискуссии, обсуждения и полемики с другими «игроками», они должны представлять себе, как их аудитория воспримет их истории; если, конечно, они хотят эту аудиторию убедить²⁴.

В-третьих, необходимость приобрести и удержать поддержку разных аудиторий может быть причиной появления весьма неоднозначных нарративов, допускающих множественные интерпретации (Stone, 2002 [1988]: 157–161). Общаясь друг с другом, политические акторы не проговаривают подробно, что именно они имеют в виду (во всяком случае, не больше, чем обычные люди в обычных разговорах). Также подобные дискуссии не ведут с необходимостью к появлению одной-единственной интерпретации, полностью разделяемой всеми заинтересованными сторонами: «неуловимость смысла исключает... железный контроль» (Steinberg, 1998: 862). В *разное* время, *разные* акторы произведут политические нарративы, которые имеют (потенциально) *разные* значения для *разных* аудиторий.

В итоге, хотя акторы могут в какие-то моменты рассказывать ясные и непротиворечивые политические истории, более реалистичная картина выводит на первый план изменчивые, непрерывно модифицирующиеся политические нарративы (ср.: Воје, 1991). Существует множество повествований — фреймирующих и рефреймирующих события — но лишь несколько завершенных и устойчивых повествовательных фреймов. Так как фреймирование предполагает непрерывное повествование о проблемных ситуациях и — одновременно — социально-политическое участие в этих ситуациях самих рассказчиков (а также их аудиторий), лучше смотреть на ту «работу», которую выполняет повествование, нежели пытаться собрать каталог историй или их типов. Рассмотрение фреймирования как социально-политического процесса требует внимания к акторам — к используемым ими старым и новым способам говорения, комбинациям элементов прежних историй и механике их опровержения, к переописаниям проблем и предложениям новых решений. Однако необходимо помнить, что история — это процесс, и другие рассказчики делают то же самое в то же самое время и, возможно, в том же самом месте.

24. См.: Mead, 1934; Blumer, 1969; ср. с: Snow et al., 1986, о «согласовании фреймов» и: Snow and Benford, 1988, о необходимости «фреймового резонанса».

4. Модусы фреймирования

Если Шён и Райн (Schön and Rein, 1986, 1993, 1994) допускают, что объекты фреймирования (Dewulf et al., 2009) суть некоторые первичные «проблемы общества», наша версия динамического подхода предлагает анализировать конструкции, возникающие «на выходе» из этого процесса²⁵. Помимо перечисленных выше элементов такие вещи, как: 1) конкретные общественные проблемы; 2) идентичности авторов историй и их отношения; 3) сам процесс их взаимодействия — все это может быть частью фреймирования. Конфликты вокруг интерпретации значения событий и ситуаций укоренены не только в разных взглядах на фреймируемую проблему, они связаны с идентичностями и отношениями участников этого процесса (Forester, 1999). Политические проблемы оказываются намертво спаянными с идентичностями вовлеченных в них акторов, так что публичное изменение мнения по какому-то вопросу может восприниматься как изменение идентичности самого говорящего. Акторы зарабатывают деньги, находят друзей и партнеров, ищут призвание и иными способами закрепляют свою связь с политическим фреймом (равно как с группой или организацией, которая продвигает, поддерживает или атакует этот фрейм). Короче говоря, процессы фреймирования сами могут становиться объектом фреймирования, а следовательно, анализ фреймирования является также способом фреймирования социально-политических реалий.

Мы согласны с Девульфом (Dewulf et al., 2009), что взаимосвязь между уровнями (проблемами, идентичностями/отношениями и самим процессом интеракции) должна быть лучше изучена, так как фреймирование происходит на различных взаимосвязанных уровнях одновременно. Кроме того, взаимоотношения и идентичности вовлеченных акторов являются (или могут являться) частью фреймирования проблемы. Когда, например, политик обращается к международной аудитории на конференции в Копенгагене в конце 2009 года, говоря, что для того чтобы повлиять на изменение климата (проблема), страны и неправительственные организации (идентичности) должны лучше работать вместе (отношения) и что конференция является хорошей отправной точкой (непосредственно процесс взаимодействия), она участвует в процесс фреймирования на нескольких уровнях одновременно. Как представителей государства политических деятелей часто критикуют за предшествующие неудачи, даже тогда, когда они не имеют к ним прямого отношения. Политик в приведенном примере мог, например, критиковать других политиков — включая себя — за отсутствие взаимодействия между странами по поводу проблем климата. Не расположенные к принятию на себя ответственности за чужие ошибки или за инциденты, имевшие неоднозначные или неопределенные причины, акторы часто делают все возможное, чтобы указать пальцем на виновных. Возьмем недавний пример. После взрыва бомб в Мадриде 11 марта 2004 года правительство Азнара фреймировало атаки таким образом, чтобы исключить отсылки к его собственному решению об

25. В частности, в работе «Educating the Reflective Practitioner» (Schön, 1987) Шён обращается к разным уровням фреймирования и вместе с Райном (Schön and Rein, 1994) настаивает на проблематизации самого дизайна публичной политики. Работы по фреймированию конфликтов (Dewulf et al., 2009) и фреймированию в общественных движениях (Benford and Snow, 2000: 631–632) более систематически занимаются проблемами идентичности.

участии в войне в Ираке. Неспособность этой политической истории убедить публику привела к поражению на выборах три дня спустя (Olmeda, 2008). Политическим деятелям трудно не стать ни персонажем, ни агентом фреймирования: даже если они не вовлечены в проблемы непосредственно, как те, кто несет ответственность за их решение, они остаются частью этих проблем.

Фреймирование идентичностей и фреймирование на уровне отношений/взаимодействий попадают в центр внимания, в основном когда производство политических решений принимает интерактивную или совещательную форму (Hajer and Wagenaar, 2003). В этом случае политические конструкты изготавливаются более осознанно благодаря разным типам идентичностей, привносимых участниками, а также благодаря характеру и качеству самого процесса их взаимодействия. Поиск устойчивых решений в публичных обсуждениях также происходит на этих двух уровнях фреймирования. (Forester, 1999; Gray, 2007).

Собственно, с изучения подобной метакоммуникации во фреймировании и начался фрейм-анализ: его отправная точка — взаимодействие между двумя или несколькими существами (Bateson, 1972 [1955]). Наблюдая за играющими животными, Бейтсон задался вопросом: как им удастся информировать друг друга о характере их взаимодействия? Изучаемые им животные были способны ответить на вопрос «Является ли это игрой?» (если можно так сказать), исходя из наблюдаемых действий друг друга. Вопрос Гофмана (Goffman, 1974: 8) о фреймировании был поставлен сходным образом: «Что *здесь* происходит?». Те способы, которыми Бейтсон и Гофман задают данный вопрос, предполагают прямую вовлеченность в ситуацию двух и более существ, информирующих друг друга о характере их собственного взаимодействия. Но ситуация, по отношению к которой задается подобный вопрос, не всегда требует вовлеченности в нее самого спрашивающего; и во многих случаях принятия политических решений она в принципе не требуется. В политическом процессе, фреймирование часто эксплицитно или имплицитно осуществляется на уровне метакоммуникации более высоком, нежели тот, в который акторы непосредственно вовлечены, — например, это заметно в так называемых «историях управления» (Van Hulst, 2008).

Фреймирование, осуществляемое исследователями в анализе политики (равно как и в социальном исследовании в целом), определяет объект исследования (Schön, 1979: 161; ср.: Brown, 1976). Как утверждают Ло и Урри (Law and Urry, 2004: 390–391): «...социальное исследование и его методы продуктивны²⁶: они создают социальные реальности и социальные миры. Они не просто описывают мир таким, каков он есть, но также и производят его». Даже если влиятельный теоретический дискурс убеждает нас в возможности (почти) нейтральной науки, отделение социальных наук от того, что они изучают, все сложнее и сложнее себе представить. Все больше и больше заявок на получение грантов требуют указать, чем исследование будет полезно для общества. Даже если предполагается, что этот вклад будет ограничен одним только «знанием» (т.е. ответом на вопрос «Что здесь происходит?»), в нем всегда уже им-

26. Все же здесь — для соблюдения «терминологической чистоты» — следовало бы говорить не о «продуктивности», а о «перформативности» исследования. Это принципиальный тезис для тех «теоретиков перформативности», которых далее цитируют авторы статьи. — *Прим. ред.*

плицитно заложены «Что дальше?» и «Что теперь?» (т. е. необходимость отвечать на вопрос «Что мы должны делать?»), и такие истории тоже регулярно рассказываются социальными учеными. Как замечают Райн и Шён (Rein and Schön, 1977: 243): «Рассказывание историй в одно и то же время является способом постановки проблемы и способом экспликации неявных фреймов, позволяющих нам эту проблему поставить».

В целом фреймирование нацелено на производство представлений о разных типах вещей, некоторые фреймирования частично совпадают и усиливают друг друга, некоторые — сохраняют дистанцию. Приведенная в приложении история о предвыборной гонке кандидатов в мэры Утрехта иллюстрирует отдельные аспекты описанной выше работы смыслообразования и повествования.

Заключение: об исследовании фреймирования

Хотя Бейтсон (Bateson, 1972 [1955]) обратил наше внимание на тот способ, которым даже животные способны довольно точно отличать «игру» от «борьбы», разнообразие и сложность фреймов, доступных участникам политического процесса, не только приводят к затруднениям («В каком смысле реален этот „спектакль“?»), но порой вынуждают самих акторов принимать участие в эксплицитном фреймировании. Это делает фрейм-аналитические вопросы релевантными для самых разных политических исследований. Исследование фреймирования предлагает нам взглянуть внутрь черного ящика социально-политических процессов. Развиваемый здесь динамический подход помещает в фокус исследовательского внимания сам процесс создания «черного ящика».

Многие элементы предложенного нами определения фреймирования могут быть найдены в работах Шёна и Райна (например: Schön, 1979; Rein and Schön, 1986, 1996)²⁷. В то же время хотя в их ранних текстах (Rein and Schön, 1977; Schön, 1979) есть обещание разработать сильную теорию политического фреймирования, сделанный ими акцент на динамических характеристиках этого процесса должен быть усилен. В некоторой степени предложенный здесь подход совпадает с интеракционистской парадигмой, недавно использованной Девульфом и его коллегами (Dewulf et al., 2009) для изучения конфликтов и переговоров. Они анализировали фреймирование как осуществляемую в реальном времени практику согласования значений между двумя и более человеческими акторами в ситуации здесь-и-сейчас; отсюда предложенное интеракционистами различие по предмету фреймирования трех областей исследования: проблемы, идентичности/взаимоотношения и процессы интеракции.

Мы стремимся выйти за эти рамки. Во-первых, мы призываем сосредоточиться не только на социальных, но и на политических аспектах фреймирования: дело не только в том, что некоторые реалии выносятся за скобки и игнорируются, но и в том, что это игнорирование создает поддержку определенным способам взаимодействия с миром. Во-вторых, в то время как интеракционистские подходы (в т.ч., неявно: Dewulf et al., 2009) игнорируют предсуществующие фреймы, обращаясь толь-

27. Их определение см. в: Rein and Schön, 1993: 153.

ко к фреймированию здесь-и-сейчас, мы пытаемся анализировать стабилизирующие элементы практик фреймирования, которые приводятся в действие материальным и историческим измерениями (вроде того, как Шён обратил внимание на вовлеченность в работу с физическими материалами). Наконец, хотя Девульф и его соавторы делают полезное теоретическое различие между уровнями производства смыслов, в сложных ситуациях фреймирование проблем, идентичностей/отношений и процессов взаимодействия так тесно переплетены, что нуждаются в дополнительном теоретическом осмыслении²⁸.

Остаются некоторые важные вопросы. Что это за «субстанция», из которой сделаны фреймы повествования? Откуда появляются категории, именованья и метафоры? Почему акторы выстраивают свои истории именно так, а не иначе? Предлагая ответ на один из этих вопросов, Шён и Райн (Schön and Rein, 1994) отметили, что используемые акторами повествовательные фреймы основаны на институциональных фреймах. Поскольку институты «обладают характерной точкой зрения, доминирующими системами верований, категориальными схемами, образами, порядками и стилями аргументации» (Schön and Rein, 1994: 33; ср.: Benford and Snow, 2000: 629), фреймирование опирается на прочные основания²⁹. Еще глубже: Шён и Райн видели культурно разделяемые системы верований в игре политических историй.

Действительно, то, что происходит в повседневной жизни, часто воспринимается как соответствующее ожиданиям. В подобных случаях акторы могут использовать более или менее развитые — имплицитно или эксплицитно известные — способы смыслообразования. Эти способы производства смыслов принимают форму институционального языка и институциональных практик — например, форму встреч и отчетов, утверждения законов и следования стандартным процедурам — посредством которых отчасти производятся значения. Но существует масса примеров, в которых проявляется более сложный процесс сопоставления и «подгонки»³⁰ между новыми событиями и прошлым опытом акторов — их верованиями (включая ожидания), ценностями и устоявшимися способами смыслообразования. Таким образом, становится понятно, что фреймирование на самом деле привносит прошлый опыт для распознавания уникальных ситуаций в настоящем (Schön, 1987: 66), например, привлечение опыта экономического кризиса 1929 года для фреймирования текущего кризиса восьмьюдесятью годами позже (сравните с: Abolafia, 2004).

Когда то, чего боишься или желаешь, неожиданно появляется рядом, фреймирование утрачивает характер простого следования правилу. Оно запускает творче-

28. Действительно, Девульф и др. (Dewulf et al., 2009: 181) утверждают, что их интеракционистская парадигма может быть усилена анализом связи между тремя этими сферами.

29. Шён говорил о некотором репертуаре тем и примеров (Schön, 1987: 79). В теории общественных движений дискуссия о взаимоотношении между фреймами и идеологиями — определяемыми как устойчивые фундаментальные системы верований (Oliver and Johnstone 2000; Snow and Benford 2000) — затрагивает похожие проблемы. Д. Вестби (Westby, 2005) позже утверждал, что существует шесть способов взаимосвязи фреймирования и идеологии; все они расположены на континууме от утверждения о слабой связи (фреймирование играет стратегическую роль) до утверждения о сильной детерминации (фреймирование полностью определяется идеологией). Дополним это еще одним утверждением: фреймирование само может определять идеологию.

30. Аналогичным образом Вайк (Weik, 1995) пишет о связи между сигналом и фреймом.

ское и стратегическое использование опыта, верований etc., по мере того как акторы осмысливают происходящее посредством операций отбора, именованя и категоризации³¹. Фреймирование может выявить напряжение в коллективе, который, как казалось, разделяет общую систему ценностей и верований; то, что всеми воспринималось как терпимость, для некоторых может быть безразличием³². И конечно, новые именованя и категории появляются каждую минуту (Weick, 1995: 31), тогда как значение старых меняется или становится избыточным. До некоторой степени то, что происходит, задает наше видение реальности, даже если наше видение реальности определяет то, что мы видим.

Мы не утверждаем, что описанный нами подход должен применяться во всех фрейм-аналитических исследованиях. Вообще, в фокусе нашего интереса — изучение производства значений, как оно понимается в политическом анализе: в частности, политические практики постановки проблем (Rein and Schön, 1977) и реализации политических инициатив (Yapow, 1996). Прежде всего динамический подход предлагает способ объяснения и понимания «фреймирующих ходов» (Abolafia, 2004), которые предпринимаются, когда группа акторов сталкивается с новыми событиями и ситуациями в окружающем мире. События и ситуации, о которых мы говорим, это моменты и процессы, содержащие в себе неопределенность и двусмысленность; акторы стремятся наделить их смыслом, поскольку неопределенность не позволяет им действовать.

Теоретики дискурса, которые — так же как и мы — опираются на интуиции социального конструктивизма, говорят о моментах «радикальной контингентности»: в них становится видимой политическая природа реальности (Laclau, 1990: 34–35). Тем не менее мы не думаем, что фреймирование начинается только после неожиданного события или в результате попытки изменить положение вещей. Акторы все время вовлечены в процесс фреймирования, хотя большую часть времени и не осознают этого. Таким образом, фреймирование никогда не начинается «из ниоткуда». Впрочем, мы в меньшей степени обеспокоены «доказательством» существования исходных ресурсов фреймирования — например, общей системы верований, которая бы объединяла группу акторов при принятии политических решений и определяла бы их действия³³. Нас больше интересуют способы активного фреймирования, осуществляемого самими акторами, — механика рефрейминга или поддержания статус-кво³⁴.

31. Мы имеем в виду, в частности, статью А. Швидлер (Swidler, 1986) о «культуре в действии», к которой также отсылают в литературе по общественным движениям (Westby, 2005: 217).

32. Те же действия, напоминают нам Шён и Райн (Schön and Rein, 1994: 35), могут основываться на разных верованиях и ценностях.

33. Разные теоретики говорят о системах верований и тому подобном. Шен и Рейн (Schön and Rein, 1994: 33–34), например, говорили о метакультурных фреймах и фреймах институционального действия, которые могут определять интерпретацию и в конечном счете процесс принятия политических решений. Сноу и Бенфорд (Benford 1988) ссылались на систему верований и идеологию, которые могут ограничивать фреймирование. Оливер и Джонстон (Oliver and Johnston, 2000) утверждали, что со времен Сноу и Бенфорда различие между фреймами и идеологией остается предельно запутанным.

34. Эти два типа анализа могут проводиться параллельно, хотя, как полагают Девульф и его коллеги (Dewulf et al., 2009), они не должны осуществляться в рамках одной фреймирующей парадигмы.

Несомненно, моменты относительной стабильности, когда ничего не происходит и никто не делает «хода», важны. Но если мы внимательнее посмотрим на случаи, в которых наши ожидания по отношению к миру и реально происходящее в нем не совпадают, то обнаружим, что таких ситуаций гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Медленные и быстрые изменения происходят постоянно. Актoram приходится «бороться, чтобы оставаться собой» (Schön, 1971: 32). Интересующая нас группа событий/ситуаций практически совпадает со всем множеством событий/ситуаций, релевантных исследованиям публичной политики и политики в более широком смысле: от событий «9/11» или «экономического кризиса» до «восстания в районе X» или даже «нашей вчерашней драки (про которую ты до сих пор говоришь, что это была всего лишь игра) со служащими, отказавшимися принять твою фотографию на паспорт». Подобных моментов множество в жизни каждого.

Конечно, отдельные события и ситуации повседневной жизни проживаются нереплексивно, почти автоматически, благодаря жестким и устойчивым моделям мира. Тем не менее мы исходим из того, что фреймирование представляет собой весьма динамичный процесс (по крайней мере, в случаях, требующих явного внимания самого действующего). Идет постоянная «подгонка» и «притирка», с одной стороны, прошлого опыта, верований (включая ожидания), ценностей, а также более или менее устоявшихся способов смыслообразования, и с другой стороны — неожиданностей, сюрпризов и нового опыта. Мы полагаем, что изучение моментов, в которых подобное совпадение становится наиболее очевидным, в которых значения событий и ситуаций легко распознаются, также проливает свет на господствующие, но часто лишь неявно осознаваемые дискурсы, столь сильно структурирующие реалии нашего социально-политического мира.

Более того, мы думаем, что прошлый опыт, верования, ценности и привычные способы придания смысла ситуациям не определяют полностью процесс фреймирования, так как они сами или их значения могут меняться со временем (например, вследствие приобретения нового опыта). Хотя многие из «вещей», с которыми сталкиваются акторы, по их собственному мнению, очень похожи на вещи, с которыми они имели дело ранее, значения-в-употреблении все же должны быть атрибутированы «вещам» в новой ситуации.

Некоторые исследователи утверждают, что кризис — лучшая возможность узнать о «нормальных» способах смыслообразования. Этнометодологи даже полагают, что для выявления устойчивых и привычных моделей необходимо дестабилизировать, «сломать» рутинный порядок вещей³⁵. Это наряду с обсуждавшимися выше проблемами имеет определенные последствия для изучения процессов фреймирования. Включенное наблюдение, этнография и интерпретативные кейс-стади фокусируются на акторах, на их способах знать и видеть; они дают возможность анализировать материалы, собранные в поле, в разговорах с самими информантами (Yanow, 2000; Yanow

35. Или наблюдать других нарушающих их и затем «ремонтующих» поломку. Провоцирование поломки — то, что используется социальными психологами для изучения норм. Виктор Вахштайн (личная переписка, 7 июля 2009) обратил наше внимание на то, что хотя Гарфинкель отстаивал это в своих «Исследованиях по этнометодологии», позже он сам отказался от использования подобного метода.

and Schwarz-Shea, 2006; Van Hulst, 2009). Однако использования таких стратегий и техник недостаточно. Исследование должно быть рефлексивным; и рефлексивным исследователям необходимо изучать работу, которую выполняют их теории, стратегии и методы: как они фреймируют проблемы, контексты, акторов и все, что находится непосредственно в фокусе изучения. В конце концов, исследователям предстоит взять на себя ответственность за ими же создаваемые реальности (Law and Urry, 2004: 396). Методам исследования сегодня приходится иметь дело с мимолетным, рассредоточенным, множественным, сенсорным, эмоциональным и кинестетическим (Law and Urry, 2004: 403). Обращение к этим вопросам требует новых исследовательских стратегий и исследователей, способных меняться, чтобы увидеть новые вещи или увидеть вещи по-новому.

Итак, динамическая версия фрейм-анализа рассматривает процессы фреймирования и повествовательные интерпретации событий / ситуаций. Определяя фреймирование как политический и социальный процесс конструирования смысла, этот подход сфокусирован на обращении событий и ситуаций в имена и категории; он демонстрирует, что определенные способы видения мира конструируются и поддерживаются в процессе их фреймирования. Для такой исследовательской оптики представляют особый интерес уровни фреймирования — их совпадение и расхождение, усиление и ослабление. В конечном итоге фреймирование создает социально-политический мир не столько как объект манипуляций, сколько как среду обитания.

Иллюстрация: Выборы мэра (Утрехт, 2007)

В октябре 2007 года в городе Утрехт (Нидерланды) состоялся референдум, посвященный выборам нового мэра. Объявления о референдуме были размещены по всему городу на рекламных щитах. С их помощью комиссия, состоящая из членов городского совета Утрехта, информировала горожан о выдвижении двух кандидатов на вакантную должность. На рекламных щитах были размещены фотографии кандидатов, их имена и надпись «*Referendum burgermeester*» («Референдум по выбору мэра»). Также там сообщалось: «*Utrecht kiest 10 oktober 2007*» («Утрехт голосует 10 октября 2007»), был указан адрес веб-сайта, посвященного референдуму, и изображен символ Утрехта.

В целом рекламный щит дал определение тому, что должно было происходить в следующие недели: всеобщие выборы в форме референдума. Он также содержал план действий: «Утрехт», то есть жители Утрехта, будут выбирать одного из двух мужчин, изображенных на щите. Однако на плакате, попавшем в кадр, предложен принципиально иной способ фреймирования данного события. Кто-то написал слова «*lood*» («свинец») и «*oud ijzer*» («старое железо») на этом и многих других щитах по всему городу. Граффити отсылает к голландской поговорке: «*Net is lood om oud ijzer*» («Одного поля ягоды»³⁶). Речь идет, скорее всего, о том, что оба кандидата являются членами одной партии — лейбористской — оба белые, среднего возраста, мужского пола, оде-

36. Английский вариант этой поговорки: «It is six of one and half a dozen of the other» («Шесть одного и полдюжины другого»). Возможно, прагматически более точный аналог голландской пословицы о свинце и старом железе — русская поговорка «Хрен редьки не слаще». — Прим. ред.

ты в костюмы и полосатые галстуки. По мнению автора граффити, предложенный политический выбор на самом деле выбором не являлся.

Рис. 1. Рекламный щит перед референдумом в Утрехте (фотография Мерлина ван Хульста)

Избирательные кампании зачастую описываются политической историей о двух очень разных кандидатах, соревнующихся в гонке за высокую позицию в городском правительстве. Политическое в этой истории являет себя через необходимость выбора между несколькими опциями. Слова «lood» и «oud ijzer»³⁷ отсылают к совсем иной истории об избирательной гонке, не предполагающей никакой конкуренции, — гонке, в которой принимают участие два идентичных кандидата. Референдум, таким образом, становится бессмысленным для тех, кто не видит разницы между предлагаемыми опциями.

Две конкурирующие политические истории не были изложены во всех подробностях на рекламных щитах, но это едва ли было необходимо. Избиратели принадлежат определенной политической культуре и хорошо знают нарративы о голосовании (за мэров и правительство в целом), возможно, благодаря неоднократному участию в выборах. Пройдя процесс социализации в культуре, где процитированная поговорка — расхожая фраза, избиратели, видевшие плакаты, легко восстановили пропущенные элементы истории: имплицитно, а иногда и эксплицитно.

37. На фотографии видно, что слово «ijzer» написано с ошибкой. Интересно было бы подвергнуть фрейм-анализу значение грамматических ошибок как атрибута «народного рефрейминга»: видимо, повествование, создаваемое в жанре «гласа народа», должно быть немного безграмотным, чтобы быть убедительным. — *Прим. ред.*

Ход выборов подтвердил предположение о том, что вторая интерпретация — о безальтернативности выборов — была широко распространена среди утрехтского электората. Явка составила менее 10%, что намного ниже установленного муниципальным советом порога в 30%, необходимого для признания выборов состоявшимися. Сам факт неучастия 90% избирателей следует рассматривать как результат атрибуции смысла происходящему (Blumer, 1969: 16). Возможно, были и иные причины отказаться от голосования. Тем не менее газеты ухватились именно за версию о недостаточных различиях между предложенными избирателям опциями. Они писали, например, о «выборе между лимонным мороженым и лимонным мороженым», о «восточно-европейских практиках» и о том, что «референдум Утрехта — een beschatende poppenkast [позорное шоу марионеток]» (Huisman, 2007). Слова на плакате явно отражают акт фреймирования ситуации как «недостаточно значимой, чтобы мы явились к избирательным урнам».

Результат выборов, в свою очередь, создал новую проблему, потребовавшую работы смыслообразования: даже если порог явки в 30% не был достигнут и, строго говоря, референдум не состоялся, игнорирование проголосовавших запустило в действие другие процессы фреймирования и повествования. Объяснение низкой явки, предложенное в ночь выборов выигравшим кандидатом, фреймировало ее как не проблематичную. По его мнению (многими поддержанному), остальные избиратели не видели необходимости в выборе. На следующий день муниципальный совет решил, что следует уважать проголосовавших и кандидат, набравший наибольшее число голосов, должен стать новым мэром.

Этот пример показывает, каким образом была запущена работа смыслопроизводства (оригинальные плакаты), как посредством рефрейминга новые значения были атрибутированы обоим главным персонажам (и самому спектаклю), как эта новая история получила продолжение в (без)действии. Он также иллюстрирует тот факт, что событие, представленное значимым, не становится таковым в силу одних только деклараций: ни проблематичность выбора, ни низкая явка не говорят сами за себя. Сложность процессов фреймирования заключается в том, что видимый смысл может быть полностью изменен благодаря стратегическому производству и присвоению значений.

Благодарности

Первая версия этой статьи была представлена на 19-м семинаре Европейского консорциума политических исследований «Изучение политического через призму фрейм-анализа» (Лиссабон, 14–19 апреля 2009 г.). Мы благодарим участников за активное обсуждение поднятых нами вопросов, и в частности, Виктора Вахштайна за его комментарии во время семинара и после него.

Литература

Abolafia M. Y. (2004). Framing moves: interpretive politics at the Federal Reserve // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2004. Vol. 14. № 3. P. 349–370.

- Argyris C., Schön D. A. (1974). *Theory in practice: increasing professional effectiveness*. San Francisco: Jossey-Bass, 1974.
- Bateson G. (1972 [1955]). *A theory of play and fantasy* // Bateson G. *Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology*. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 177–193.
- Benford R. D. (1997). *An insider's critique of the social movement framing perspective* // *Sociological Inquiry*. 1997. Vol. 67. № 4. P. 409–430.
- Benford R. D., Snow D. A. (2000). *Frame processes and social movements: an overview and assessment* // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.
- Berger P., Luckmann T. (1966). *The social construction of reality*. New York: Anchor Books, 1966.
- Blumer H. (1969). *Symbolic interaction: perspective and method*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969.
- Boje D. M. (1991). *The storytelling organization: a study of story performance in an office-supply firm* // *Administrative Science Quarterly*. 1991. Vol. 36. № 1. P. 106–126.
- Bowker G. C., Star S. L. (1999). *Sorting things out*. Cambridge: MIT Press, 1999.
- Brown R. H. (1976). *Social theory as metaphor* // *Theory and Society*. 1976. Vol. 3. № 2. P. 169–197.
- Cienki A. (2007). *Frames, idealized cognitive models, domains* // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / Ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 170–187.
- Cone E. T. (1968). *The picture and the frame: the nature of musical form* // *Musical form and musical performance*. New York: W. W. Norton, 1968. P. 11–31.
- Cunliffe A. L., Easterby-Smith M. (2004). *From reflection to practical reflexivity: experiential learning as lived experience* // *Organizing reflection* / Ed. by M. Reynolds and R. Vince. Aldershot; Hampshire: Ashgate, 2004. P. 30–46.
- Czarniawska B. (1998). *A narrative approach to organization studies*. Thousand Oaks: Sage, 1998.
- Daviter F. (2007). *Policy framing in the European Union* // *Journal of European Public Policy*. 2007. Vol. 14. № 4. P. 654–666.
- Denzin N. K., Keller Ch. M. (1981). *Frame analysis reconsidered* // *Contemporary Sociology*. 1981. Vol. 10. № 1. P. 52–60.
- Dewulf A., Gray B., Lewicki P., Aarts L., Noelle, Bouwen R., van Woerkum C. (2009). *Disentangling approaches to framing in conflict and negotiation research: a meta-paradigmatic perspective* // *Human Relations*. 2009. Vol. 62. № 2. P. 155–193.
- Dudley G. (1999). *British steel and government since privatization: policy «framing» and the transformation of policy networks* // *Public Administration*. 1999. Vol. 77. № 1. P. 51–71.
- Engeström Y., Miettinen R. (1999). *Introduction* // *Perspectives on activity theory* / Ed. by Y. Engeström, R. Miettinen, R.-L. Punamäki. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–18.
- Entman R. M. (1993). *Framing: toward clarification of a fractured paradigm* // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58.
- Fillmore Ch. J. (1982). *Frame semantics* // *Linguistics in the morning calm*. Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.
- Fischer F. (2003). *Reframing public policy: discursive politics and deliberative practices*. New York: Oxford University Press, 2003.
- Fischer F., Forester J. (Eds.). (1993). *The argumentative turn in policy analysis and planning*. Durham: Duke University Press, 1993.
- Forester J. (1999). *The deliberative practitioner: encouraging participatory planning processes*. Cambridge: MIT Press, 1999.

- Fumagalli M.* (2007). Framing ethnic minority mobilisation in Central Asia: the cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. № 4. P. 567–590.
- Gamson W. A.* (1992). *Talking politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Geertz Cl.* (1973). *The interpretation of cultures*. New York: Basic Books, 1973.
- Goffman E.* (1959). *The presentation of self in everyday life*. New York: Anchor Books, 1959.
- Goffman E.* (1974). *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. New York: Harper and Row, 1974.
- Goffman E.* (1981). A reply to Denzin and Keller // *Contemporary Sociology*. 1981. Vol. 10. № 1. P. 60–68.
- Goodman N.* (1978). *Ways of worldmaking*. Indianapolis: Hackett, 1978.
- Gray B.* (2007). Frame-based intervention for promoting understanding in multiparty conflicts // *Inside networks: a process view on multi-organizational partnerships, alliances and networks* / Ed. by T. Gössling, L. Oerlemans, R. Jansen. Cheltenham: Edward Elgar, 2007.
- Hajer M. A., Laws D.* (2006). Ordering through discourse // *The Oxford handbook of public policy* / Ed. by M. Moran, M. Rein, R. E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 251–268.
- Hajer M. A., Wagenaar H.* (Eds.). (2003). *Deliberative policy analysis: understanding governance in the network society*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Huisman Ch.* (2007). Referendum Utrecht «een beschamende poppenkast» // *De Volkskrant*. 2007. 27 September.
- Jackson P. T.* (2008). Foregrounding ontology: dualism, monism, and IR theory // *Review of International Studies*. 2008. Vol. 34. № 1. P. 129–153.
- Kaufman S., Smith J.* (1999). Framing and reframing in land use change conflicts // *Journal of Architectural and Planning Research*. 1999. Vol. 16. № 2. P. 164–180.
- Klandermans B.* (1997). *The social psychology of protest*. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Laclau E.* (1990). *New reflections on the revolutions of our times*. London: Verso, 1990.
- Lakoff G.* (1987). *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Law J., Urry J.* (2004). Enacting the social // *Economy and Society*. 2004. Vol. 33. № 3. P. 390–410.
- Linder S.* (1995). Contending discourses in the electric and magnetic fields controversy: the social construction of EMF risk as a public problem // *Policy Sciences*. 1995. Vol. 28. № 2. P. 209–230.
- Mead G. H.* (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Milne A. A.* (1989). *The complete Winnie-the-Pooh*. London: Chancellor Press, 1989.
- Minsky M.* (1975). A framework for representing knowledge // *The psychology of computer vision* / Ed. by P. H. Winston. New York: McGraw-Hill, 1975.
- Morris A. D., Mueller C.* (Eds.). (1992). *Frontiers in social movement theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Nie M.* (2003). Drivers of natural resource-based political conflict // *Policy Sciences*. 2003. Vol. 36. № 3-4. P. 307–341.
- Oliver P. E., Johnston H.* (2000). What a good idea! Ideologies and frames in social movement research // *Mobilization*. 2000. Vol. 5. № 1. P. 37–54.
- Olmeda J. A.* (2008). A reversal of fortune: blame games and framing contests after the 3/11 terrorist attacks in Madrid // *Governing after crisis* / Ed. by A. Boin, A. McConnell, P. Hart. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Orlikowski W. J.* (2007). Sociomaterial practices: exploring technology at work // *Organisation Studies*. 2007. Vol. 28. № 9. P. 1435–1448.

- Payne R. A.* (2001). Persuasion, frames and norm construction // *European Journal of International Relations*. 2001. Vol. 7. № 1. P. 37–61.
- Prasad P.* (2005). *Crafting qualitative research: working in the post-positivist traditions*. Armonk: M. E. Sharpe, 2005.
- Putnam L., Holmer M.* (1992). Framing, reframing and issue development // *Communication and negotiation* / Ed. by L. L. Putnam and M. E. Holmer. Newbury Park: Sage, 1992.
- Rein M.* (1983a). Action frames and problem setting // *Rein M.* *From policy to practice*. London: Macmillan, 1983. P. 221–234.
- Rein M.* (1983b). Value-critical policy analysis // *Ethics, the social sciences, and policy analysis* / Ed. by D. Callahan and B. Jennings. New York: Plenum Press, 1983. P. 83–111.
- Rein M., Schön D. A.* (1977). Problem setting in policy research // *Using social research in public policy making* / Ed. by C. H. Weiss. Lexington: Lexington Books, 1977. P. 235–251.
- Rein M., Schön D. A.* (1993). Reframing policy discourse // *The argumentative turn in policy analysis and planning* / Ed. by F. Fischer and J. Forester. Durham: Duke University Press, 1993. P. 145–166.
- Rein M., Schön D. A.* (1996). Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice // *Knowledge and Policy*. 1996. Vol. 9. № 1. P. 85–104.
- Schank R., Abelson R.* (1977). *Scripts, plans, goals, and understanding*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1977.
- Schatzki Th. R.* (2005). The sites of organizations // *Organization Studies*. 2005. Vol. 26. № 3. P. 465–484.
- Schmidt R. Sr.* (2000). *Language policy and identity politics in the United States*. Philadelphia: Temple University Press, 2000.
- Schmidt R. Sr.* (2006). Value-critical policy analysis: the case of language policy in the United States // *Interpretation and method: empirical research methods and the interpretive turn* / Ed. by Dv. Yanow and P. Schwartz-Shea. Armonk: M. E. Sharpe, 2006. P. 300–315.
- Scholten P. W. A., Van Nispen F. K. M.* (2008). Building bridges across frames? A meta-evaluation of Dutch integration policy // *Journal of Public Policy*. 2008. Vol. 28. № 2. P. 181–205.
- Schön D. A.* (1963). *The displacement of concepts*. London: Tavistock, 1963.
- Schön D. A.* (1979). Generative metaphor: a perspective on problem-setting in social policy // *Metaphor and thought* / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 254–283.
- Schön D. A.* (1993). Generative metaphor: a perspective on problem-setting in social policy // *Metaphor and thought*. 2nd ed. / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 137–163.
- Schön D. A.* (1983). *The reflective practitioner*. New York: Basic Books, 1983.
- Schön D. A.* (1987). *Educating the reflective practitioner*. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
- Schön D. A., Rein M.* (1994). *Frame reflection: toward the resolution of intractable policy controversies*. New York: Basic Books, 1994.
- Snow D. A., Benford R. D.* (1988). Ideology, frame resonance, and participant mobilization // *International Social Movement Research*. 1988. Vol. 1. P. 197–217.
- Snow D. A., Rochford E. B. Jr., Worden S. K., Benford R. D.* (1986). Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. № 4. P. 464–481.
- Steinberg M. W.* (1998). Tilting the frame: considerations on collective action framing from a discursive turn // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27. № 6. P. 845–872.
- Stone D. A.* (2002 [1988]). *Policy paradox: the art of political decision making*. New York: W. W. Norton, 2002.

- Swaffield S.* (1998). Contextual meanings in policy discourse: a case study of language use concerning resource policy in the New Zealand high country // *Policy Sciences*. 1998. Vol. 31. № 3. P. 199–224.
- Swidler A.* (1986). Culture in action: symbols and strategies // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. № 2. P. 273–286.
- Tannen D.* (1979). What's in a frame? Surface evidence for underlying expectations // *New directions in discourse processing* / Ed. by R. Freedle. Norwood: Ablex, 1979. P. 137–181.
- Tsoukas H., Chia R.* On organizational becoming: rethinking organizational change // *Organization Science*. Vol. 13. № 5. P. 567–582.
- Throgmorton J. A.* (1992). Planning as persuasive storytelling about the future: negotiating an electric power rate settlement in Illinois // *Journal of Planning Education and Research*. 1992. Vol. 12. № 1. P. 17–31.
- Van Hulst M. J.* (2008). Town hall tales: culture as storytelling in local government. Delft: Eburon, 2008.
- Van Hulst M. J.* (2009). Quite an experience: using ethnography to study local governance // *Critical Policy Analysis*. 2009. Vol. 2. № 2. P. 143–159.
- Van Hulst M. J., Yanow D.* (2008). On policy frames and framing. Presented at the 3rd Interpretive Policy Analysis Conference, Essex, UK (19–21 June 2008).
- Weick K.* (1979). *The social psychology of organizing*. New York: McGraw Hill, 1979.
- Weick K.* (1995). *Sensemaking in organizations*. Thousand Oaks: Sage, 1995.
- Westby D. L.* (2005). Strategic imperative, ideology, and frames // *Frames of protest: social movements and the framing perspective* / Ed. by H. Johnston and J. A. Noakes. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. P. 217–235.
- Yanow D.* (1996). *How does a policy mean? Interpreting policy and organizational actions*. Washington: Georgetown University Press, 1996.
- Yanow D.* (2000). *Conducting interpretive policy analysis*. Newbury Park: Sage, 2000.
- Yanow D.* (2003). Accessing local knowledge: policy analysis and communities of meaning // *Deliberative policy analysis: understanding governance in the network society* / Ed. by M. A. Hajer and H. Wagenaar. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 228–246.
- Yanow D.* (2007). Interpretation in policy analysis: on methods and practice // *Critical Policy Analysis*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 109–121.
- Yanow D.* (2008). Cognition meets action: metaphors as models *of* and models *for* // *Political language and metaphor* / Ed. by T. Carver and J. Pikalo. London: Routledge, 2008. P. 225–238.
- Yanow D., Schwartz-Shea P.* (Eds.). (2006). *Interpretation and method: empirical research methods and the interpretive turn*. Armonk: M. E. Sharpe, 2006.
- Yanow D., Tsoukas H.* (2009). What is reflection-in-action? A phenomenological account // *Journal of Management Studies*. 2009. Vol. 46. № 8. P. 1339–1364.